

«УТВЕРЖДАЮ»
Директор Института лингвистических исследований
Российской Академии Наук

акад. РАН Н. Н. Казанский

«2» мая 2017 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации

о диссертации Бориса Михайловича Никольского

«Структурный и контекстный анализ в интерпретации трагедий Еврипида», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Москва, 2016 (513 страниц, библиография 313 номеров).

Диссертационное исследование Б. М. Никольского посвящено интерпретации пяти трагедий Еврипида. Следует специально отметить, что в последние несколько десятилетий в отечественной классической филологии специальных работ о творчестве Еврипида было явно недостаточно. Кроме очерков В. Н. Ярхо и докторской диссертации А. К. Гаврилова других масштабных работ вспомнить не удастся. Изучение творчества Еврипида всегда выходит за рамки чисто филологического анализа, неизбежно ставя перед исследователем целые ряды общечеловеческих проблем. Тем самым хорошая работа, посвященная творчеству Еврипида, по определению является **актуальной**.

Представленный в работе структурный и контекстный анализ, как будет ясно из дальнейшего изложения, привносит немало **нового** в интерпретацию трагедий Еврипида. Не вызывает ни малейших сомнений **теоретическая значимость** исследования, опирающаяся на глубокий и самостоятельный анализ обширных текстов, сделанный с учетом новейших достижений в области изучения античной драмы.

Исследование делится на два больших раздела, первый из которых рассматривает культурный контекст «Ипполита» с пристальным вниманием к тому, каким образом Еврипид использовал риторическую, философскую и поэтическую топику. Чрезвычайно важно, что значительная часть исследования посвящена авторскому использованию древнегреческой лексики, включенной в поэтический язык, месту отдельных слов в трагедии, маркирующих смену темы или подчеркивающих переключку образов, тем и связей между эпизодами. Второй раздел содержит рассмотрение тех трагедий, для которых важны связи с политическим контекстом года, в который они были поставлены. Тем самым работа охватывает два противоположных, но исключительно важных аспекта: общечеловеческий моральный и конкретный, связанный с политическими веяниями и практическими запросами определенного времени.

Нельзя не обратить внимание на тонкое филологическое толкование важных с точки зрения риторической топики терминов. Автор диссертации подчеркивает, что Еврипид «использует их художественную выразительность и создает с их помощью художественно-драматическую структуру пьесы» (С. 46). Анализ таких важных терминов, как «замысел» (βουλεύματα) Афродиты, субъективное (основанное на ἐπιείκεια) оправдание, как подчеркивает автор (С. 58), противопоставленное справедливости (δίκη), произвольность ошибок персонажей, представляется сильной стороной исследования. Вслед за Б. Ноксом автор рассматривает речь и молчание персонажей как характеристику их морального поведения на фоне детерминированности речевого поведения, свойственного трагедии (С. 61).

Как это сформулировал автор, «В мире «Ипполита» эта важнейшая человеческая способность оказывается мощной негативной силой, не зависящей от воли людей, неизменно вызывающей ошибки и проступки и неизбежно ведущей к трагической развязке». Противопоставление зрения и слов («дел») оказывается ключевым мотивом, который переключается с осознанием обманчивости речи, что характерно для культуры и литературы V в. до

н. э. Автор настаивает на том, что зрение вызывает сильнейшие эмоции, неизбежно приводящие к ошибочным поступкам (С. 75). Читателю хотелось бы уже в этом месте встретить ссылку на традицию, восходящую к Стесихору и эйдолону Елены, что появится только во второй части диссертации. Очень интересным и совершенно оправданным выглядит сопоставление с риторической стратегией, отраженной в «Похвале Елене» Горгия (С. 76).

Свою концепцию Б. М. Никольский строит на тонком анализе таких понятий, как αἰδώς, которое он определяет как «чувство, контролирующее поступки человека и заставляющее его вести себя в соответствии с существующей в обществе сеткой статусных отношений (отношений τιμῆ)» (С. 84), отмечая, что αἰδώς появляется в противопоставлении понятию ὕβρις, которое предполагает чрезмерное самоутверждение, унижающее достоинство других (С. 85). Представляется вполне оправданным рассмотрение упомянутых в трагедии наслаждений (ἡδοναί) – искушений (ἀργία «праздность», μακραιλέσχαи «длинные разговоры», σχολή «досуг» и αἰδώς), как отражающих в основе своей классификации философские тезисы, а не общепринятые мнения (С. 94). Можно согласиться с автором в том, что Федра жертвует αἰδώς ради αἰδώς, благодаря чему создается конфликт между разными проявлениями одной и той же социальной добродетели (С. 121). Слово αἰδώς употребляется у оратора Антифонта 1.26 в значении «прощения» в том же контексте произвольных ошибок и оправдания, что и у Еврипида (С. 126–7). Именно в сочинениях софистов αἰδώς приобретает значение универсального морального термина, превращаясь в одну из ключевых категорий афинской нравственности.

Поставив себе целью показать единство действия мотивов и сюжета, Б. М. Никольский подробно исследует изменение зрительских симпатий, которые в конце трагедии переходят к Ипполиту, подчеркивая при этом антитезу видимости и реальности, когда господствующей становится симпатия к Ипполиту, но, как справедливо замечает автор (С. 156–157), на оркестре на-

ходится тело погибшей Федры, напоминая о противоположной точке зрения. Интересно рассмотрение трагедии «Медея» параллельно с «Ипполитом», причем автор предполагает, что в «Ипполите» Еврипид сознательно отталкивался от композиционной модели своей более ранней трагедии.

Интересны размышления о правильной справедливости (С. 204). Вызывает вопрос перевод эпитета $\sigma\epsilon\mu\upsilon\eta$ как «достойная почтения» (С. 189), поскольку при таком переводе теряется идея страха, которая отражена, например, в обозначении Эвминид как $\sigma\epsilon\mu\upsilon\alpha\iota\ \theta\epsilon\alpha\iota$.

Рассмотрение понятий и их эмоционального наполнения неизбежно заставляет Б. М. Никольского исследовать неочевидные и символические связи между понятиями, отмечая, например, что традиционно образ моря выражал несчастья и страдания, в которых протекает человеческое существование, так что «Семантическая связь моря с несчастьями в «Ипполите» – и метафорическая (основанная на сходстве), и метонимическая (основанная на смежности)» (С. 209–212). Помимо моря бед в метафорическом значении в «Ипполите» появляется мотив действительного плавания по морю, которое всякий раз несет в себе метонимическую ассоциацию с несчастьями.

Не менее интересны и страницы, посвященные образу девственной природы (С. 266 сл.). Эти страницы тем более интересны, что в них Б. М. Никольский рассматривает представления, имеющие древние корни, в том числе включающие и древние архетипические мотивы, отраженные еще в представлениях о лугах загробного царства, причем этимологическое сопоставление греческого Элизия с хеттским материалом позволяет говорить и о лугах, и об удачной загробной охоте.

Соотнесение сценического пространства театра с различными смыслами, в рамках драматического пространства трагедии на фоне словесной и визуальной структур произведения (С. 269) позволяет предположить противопоставление «луга Ипполита» с домом Федры (С. 277). Отдельная глава посвящена сценическим жестам как значимым элементам в структуре трагедии (С. 251 сл.). Вслед за О. Таплином (Taplin 1978) Б. М. Никольский обращает

внимание на упоминание покрывала Федры, связанное со словесной структурой трагедии и представляющее собой указание на важный символический жест (С. 296–7).

Второй раздел «Драматическая структура и политический смысл в трагедиях Еврипида» (С. 309 сл.) посвящена анализу трагедий Еврипида в политическом контексте. Б. М. Никольский делает целый ряд важных наблюдений, позволяющих объяснить отдельные темные места текста и выявить общий социально-политический смысл произведений. Так, при интерпретации стихов 1154–1156 «Алкесты» Еврипида высказывается предположение о возможной связи сюжета трагедии с заключением военного союза и договора о гостеприимстве Афин с правителем только одной из фессалийских областей – той, где происходит действие трагедии, то есть города Фер и окружающих его земель (С. 326). Такое толкование трагедии в символическом смысле и в связи с конкретными событиями современной ей политической жизни (С. 366) положено в основу также толкования «Андромахи», что позволяет увидеть за описанием мифических событий и семейных историй не прямой (есть браки плохие и хорошие; плохие браки (браки со спартанками) рождают распри), а символический смысл и отсылки к событиям злободневной политической жизни (С. 396). С этой точки зрения персонажи «Андромахи» делятся на добрых и злых согласно их географическому происхождению: добрые – это фтийцы и троянка Андромаха, злые – спартанцы. Разделение персонажей-греков соответствует двум лагерям государств в Пелопонесской войне. Метрические особенности позволяют датировать «Андромаху» 20-ми гг., а в это время Фтия и Фарсал были союзниками Афин и врагами Спарты. Можно вполне согласиться с таким толкованием и даже с утверждением, что «вероломство вообще показано в драме обыкновенным спартанским способом ведения дел» (С. 397), но формулировка «Аполлон зол, потому что он олицетворяет здесь Дельфийское святилище, которое в момент постановки «Андромахи» было враждебно Афинам и дружественно Спарте. Именно в своем Дельфийском святилище Аполлон губит Неоптолема» (С. 398), кажется не-

сколько чрезмерной и недостаточно учитывающей религиозное чувство афи-
нян.

Интересна, но также не бесспорна глава третья «Пропаганда войны в
«Троянках» Еврипида», где Б. М. Никольский считает, что «афиняне никак
не могли даже немного сочувствовать преступникам, оскверняющим святыни,
убивающим младенцев и происходящим к тому же из Спарты» (С. 436). Соб-
ственно основным доказательством здесь служит правильное наблюдение ав-
тора, согласно которому «ахейцы, причастные к преступлениям, обычно на-
званы не только по имени, но и по области, из которой они происходят, и эти
области всегда оказываются враждебными Афинам эпохи Еврипида» (С. 437).

Новое толкование «Троянок» предполагает рассматривать трагедию
как пропаганду Сицилийского военного похода, а не как антивоенное произ-
ведение. Действительно, можно согласиться с тем, что рассказ о Сицилии в
трагедии, поставленной весной 415 года, никак не может быть случайным,
поскольку противостояние эгестян и сиракузян представлялось современни-
кам Еврипида столкновением потомков троянцев с колонистами пелопонес-
ских дорийцев, а «Троянки» изображают мифологическую предысторию это-
го противостояния (С. 444), так что смысл «Троянок» состоял в том, чтобы
связать с мифологической историей предстоящую Сицилийскую экспедицию
– вселить веру в справедливость похода и его успех (С. 446).

«Сицилийский поход начался после того, как в Афины прибыло по-
сольство из сицилийского города Эгесты. Эгестяне просили афины помочь
им в их конфликте с соседним городом Селинунтом; в этот конфликт вмеша-
лись уже союзники Селинунта сиракузяне и стали теснить эгестян. Во второй
половине 416 года Афины посылают в Эгесту свою делегацию, которая
должна была ознакомиться с тамошним положением вещей. Весной 415 года
делегация возвращается в Афины, афиняне созывают народное собрание, ко-
торое – почти одновременно с постановкой «Троянок» – принимает решение
отправить в помощь эгестянам корабли с войском. Так вот, эгестяне считали
себя потомками троянцев».

Это заключение представляется правильным, однако затем несколько поверхностно намечена судьба троянской легенды в Риме, проявляющейся уже в 3 в. до н. э. Рассматривая вторую и третью книги «Энеиды» Вергилия как текст, «также имевший пропагандистский смысл и написанный, по видимому, не без влияния “Троянок”», Б. М. Никольский видит у Вергилия аллегорический политический смысл – он отражает перемену в судьбе Греции, которая теперь, в эпоху Вергилия, подчинилась господству Рима (С. 446). Как показал К. Галинский, в эпоху Августа Троянская легенда в Риме была популярна, но едва ли содержала в себе мысль об экспансии в греческие области, Риму уже принадлежавшие, или идеи мстительного злорадства. Поэтому приписывать актуальную и тем более пропагандистскую интенцию Вергилию представляется неосторожным.

С этим же подходом связан целый ряд интерпретаций того, что Б. М. Никольский называет «Дурной и благой обман в «Елене», показывая, что обман может быть причиной бед и горя, а может, наоборот, приносить счастье. Парадоксальное, но точное замечание, согласно которому текст Еврипида сопоставлен в диссертации с Δίστοῖ λόγοι: «Справедливым может быть и клятвопреступление: например, если враги взяли вас в плен и готовы освободить только в том случае, если вы поклянетесь предать ваш город, разве не справедливо не исполнить затем этой клятвы? (3.6-7). Или в искусствах, наилучший художник или драматург – тот, кому лучше всего удастся обмануть зрителей, выдавая созданное им за реальное (Δίστοῖ λόγοι 3.10).» Б. М. Никольский одной из главных причин, сподвигнувших афинян на эту войну, ссылаясь на Фукидида, считает обман афинян жителями одного из сицилийских городов, союзного с Афинами, – Эгесты (С.469), а сопоставление с текстом Фукидида позволяет сделать вывод, что ставший неудачным поход представлялся афинянам чередой заблуждений, случаев обмана, примеров нежелания или неспособности увидеть правду. Тем самым пьеса Еврипида должна была, по мысли Б. М. Никольского, принести в опечаленные Афины умиротворение (С. 480).

Заключение удачно подводит итог проведенному исследованию.

Совершенно очевидно, что текст диссертации Б. М. Никольского отражает высокую квалификацию и вдумчивость автора, сильную и самостоятельную мысль, позволившую на единых принципах предложить во многом новую интерпретацию пяти трагедий Еврипида. Не вызывает сомнений удачное сочетание анализа структуры произведения, сценического представления и ключевых для каждого из произведений понятий, в том числе в ряде случаев выраженных философскими, риторическими и даже политическими терминами. Анализ семантики этой лексики представляет собой столь же сильную сторону работы, как и анализ структуры произведения. Именно структурный подход позволил автору удачно объединить несколько методов анализа текста и предложить новые и убедительные решения для целого ряда вопросов.

Внешний отзыв обязан включать перечень мелких недочетов. Их исключительно мало: Не дописано примечание 1, не пропечатался греческий шрифт на с. 87, 379. Не всегда правильно переданы имена – Астианакса (с. 128) вм. Астианакта, Ойхалии (с. 185) вм. Эхалии, Ибика вм. Ивика (с.251, 257), греческой вм. греческой (с.297 прим. 251), «двойной драматический конфликта» (с. 483).

Как можно видеть, текст диссертации представляет собой целостное исследование, увлекающее читателя логичным изложением, интересными авторскими наблюдениями и практически безупречно подготовленное.

Высказанные выше замечания не затрагивают ключевых моментов данного исследования, новизна, актуальность, теоретическая и практическая значимость которого не вызывают сомнений. Автореферат и публикации по теме диссертации в должной степени отражают содержание работы.

Диссертационное исследование Бориса Михайловича Никольского «Структурный и контекстный анализ в интерпретации трагедий Еврипида», представляет собой завершённую монографическую научно-квалификационную работу, соответствующую критериям, установленным п. 7 Положения о

порядке присуждения ученых степеней ВАК РФ, а сам Борис Михайлович Никольский заслуживает искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.14 – классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Отзыв составлен ведущим научным сотрудником ИЛИ РАН, доктором филологических наук А. В. Грошевой и обсужден на заседании Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук 2 мая 2017 г., протокол № 2.

Зам. зав. Отделом

к. ф. н. Н. Л. Сухачев

Сведения о составителе отзыва ведущей организации
 по диссертационной работе Бориса Михайловича Никольского
 на тему «Структурный и контекстный анализ в интерпретации трагедий
 Еврипида», представленной на соискание ученой степени доктора
 филологических наук по специальности 10.02.14 – Классическая филология,
 византийская и новогреческая филология

Фамилия Имя Отчество составителя отзыва	Грошева Антонина Васильевна
Шифр и наименование специальностей, по которым защищена диссертация	10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
Ученая степень и отрасль науки	Доктор филологических наук
Ученое звание	
Полное наименование организации, являющейся основным местом работы	ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН
Занимаемая должность	Ведущий научный сотрудник
Почтовый индекс, адрес	199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
Телефон	(812) 328-16-11
Адрес электронной почты	

Список основных публикаций отдела по теме диссертации

1. А.В. Грошева, 2013. Прилагательные со значением *сладкий* в поэмах Гомера // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII* (чтения памяти И.М. Тронского, 24-26 июня 2013). Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука. Сс. 228-243.
2. А.В. Грошева, 2014. Эпитеты сна (ὑπνος) в поэмах Гомера // *Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI*. Памяти Л. Г. Герценберга / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. С. 104–122 (ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 1)
3. А. В. Грошева, 2014. Податели сна (ὑπνος и Ἐρμῆς) у Гомера // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII* (тения памяти И.М. Тронского, 23-25 июня 2014). Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука. Сс. 198-214.
4. А.В. Грошева, 2015. О глаголах, производных от греч. ἡδύς ‘сладкий’ // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX* (Чтения памяти И.М. Тронского, 20-22 июня 2016). Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука. Сс. 212-227.

5. С.В. Иванов, 2015. Улитка и снег: трансформации перевода как инструмент критики текста и сравнительного анализа (на примере русского «Луцидариуса») // *Индоевропейское языкознание и классическая филология* – XIX (Чтения памяти И.М. Тронского, 22-24 июня 2015). Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука. Сс. 295-309.
6. Н.Н. Казанский, 2013. Исповедь как литературный жанр // *Бл. Августин в переводе М. Е. Сергеенко* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. С. 275–295.
7. Н.Н. Казанский, 2013. Греческие жанры микенской эпохи // *Вторые и третьи Аверинцевские чтения* / Ред. О. В. Раевская. М.: МГУ. С.178–191.
8. N. Kazansky. Sail-free via Malea (ὕπερ Μαλέαν): The Wind from Kaikos in the Cultural and Military Context of the Eastern Mediterranean of the Second Half of the 2nd Millennium BC // *The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography* / ed. by A. V. Podossinov. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2014. (= Colloquia Antiqua 12) P. 7–11.
9. Н.Н. Казанский, 2015. Древние языковые греко-анатолийские языковые связи на территории Малой Азии // *Греческий язык в пространстве и времени. «Внешняя» история греческого языка (до-балканский и прото-балканский периоды. Теоретико-практическая хрестоматия* / Составители Н. М. Йова, М. Н. Славятинская. М.: Филоматис. С. 268–279.
10. Н.Н. Казанский, 2015. К этимологии теонима Гера // *Греческий язык в пространстве и времени. «Внешняя» история греческого языка (до-балканский и прото-балканский периоды. Теоретико-практическая хрестоматия* / Составители Н. М. Йова, М. Н. Славятинская. М.: Филоматис. С. 78–81.
11. Kazanskaya, M. 2013. Le rituel de l'ἵκετεία chez Hérodote. *Camemulae* 9. P. 1-17.
12. Kazanskaya, M. 2013. The Role of Letters in Polycrates' Destiny. In: V. Gheller (ed.) *Atti dei seminari di antichità classica e del vicino oriente antico « Ricerche a confronto »: Dialoghi di Antichità classiche e del Vicino Oriente (Bologna – Trento, 2011)*, Trento – Milano: “Edizioni Secola”. P. 47–68.
13. Kazanskaya, M. 2013. Black and White: Scholia and Glossographers on the Colour of φρένες. // *Индоевропейское языкознание и классическая филология* – XVII (чтения памяти И.М. Тронского, 24-26 июня 2013). Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука. Сс. 343-367.
14. Казанская, М. Н. К вопросу об отношении выражений *μῶνος μωνόθεν* (Hdt. 1, 116) и *οἰόθεν οἶος* (Hom. II. 7, 39 и 226) // *Индоевропейское*

языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И.М. Тронского, 23-25 июня 2014). Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука. Сс. 332-339.

15. Kazanskaya, M. Les expressions homériques dans les *Histoires* d'Hérodote // *LALIES : Actes des sessions de linguistique et de littérature*. – № 34. – 2014. – С. 163-177.

Верно

Должность и место работы лица,
заверяющего сведения

«2» мая 2017 г.

Фамилия И.О.